Лето подходило к концу, и тень Уинслоу всё сильнее нависала в глазах Тейлор. Она была нервной и напряженной, что не укрылось от Дэнни, который и спросил её о таком состоянии. Она ответила честно: нервничает из-за возвращения в школу. Дэнни нахмурился, но развивать эту тему не стал.

В последнюю неделю каникул Тейлор почти всё время проводила на свежем воздухе, пытаясь избавиться от стресса. За каникулы она улучшила свои навыки рисования, но большую часть времени Тейлор проводила в храме. Она нередко задерживалась, пытаясь закончить со всем, с чем только могла, ведь когда она вернётся в школу, свободного времени у неё станет заметно меньше.

На всякий случай, если Они Ли был серьёзен в своих словах, Тейлор посоветовалась с миссис Хенрик насчёт того, как проявить вежливость к людям, которые тебе помогают. Старушка научила её с нуля готовить лимонад, который для уставших работников будет как нельзя кстати. Тейлор привезла пару кувшинов этого напитка на своём велосипеде и была рада этому, когда Они Ли сдержал своё слово.

Тейлор только закончила пропалывать клумбы и уселась рядом с аркой тории, чтобы нарисовать повреждённые статуи собак, как на улице появилась толпа угрюмых юношей, направившись в сторону храма. Некоторые из них посмотрели на Тейлор, но никто не стал заводить с ней разговор. Они вошли, надели рабочие перчатки и каски, принявшись осматривать территорию хайдена. Вскоре воздух наполнился шумными звуками строительства.

Примерно через час Тейлор сняла кувшины со своего велосипеда, добавила в них лёд, чтобы охладить лимонад, и выставила напитки с горстью пластиковых стаканчиков на ступенях храма. Она заметила, что двое парней наблюдают за ней, но… они по-прежнему не спешили заводить с ней разговор, поэтому и она не рисковала первой заговорить, опасаясь вызвать гнев членов банды. Тейлор просто кивнула им, вернувшись к начатым наброскам каменных собак.

— Привет.

Тейлор оторвала взгляд от бумаги — она почти закончила со второй статуей комаину — и слегка моргнула. Ах да, рядом же возможные преступники, которых послал к ней поработать маньяк-убийца. Она совсем об этом забыла. Тот, кто навис над ней, был молодым человеком примерно её возраста, может быть, немного старше. В руке он держал почти пустую чашку лимонада.

— Привет, — ответила она.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Рисую их, — указала Тейлор на статуи собак.

— Зачем?

— Ну, просто я хочу знать, какими они должны быть, — ей пришлось посмотреть в библиотеке, что это такое. Собаки-львы, представляющие Собой и Инь и Янь. Возможно, ей стоит заняться скульптурой…

— Э-э-э… Тогда ладно, — юноша немного поёрзал, а затем ткнул большим пальцем в сторону своей группы, медленно собирающейся в святилище позади него. — Мы уходим.

— Да, мне тоже пора идти. Спасибо за вашу работу, — Тейлор посмотрела и в её голове проскочила ленивое желание иметь часы. Папы, наверное, ещё не было дома, но Солнышко, возможно, уже закончила свои странствия. А ещё ей нужно было принять душ и подготовить школьные вещи…

Тейлор убрала свой альбом, а после и лимонадное предложение мира, прежде чем отправиться домой. Её предсказания были верны — Солнышко ждала на крыльце, а к холодильнику магнитом была приколота записка от папы. Солнышко подождала, пока она впустит их обоих внутрь, а затем сразу же начала лапать и дёргать рюкзак Тейлор, издавая тот сопящий звук, который она издавала всякий раз, когда ей чего-то хотелось.

— Ч… да, я его закончила. Дай хоть сяду сначала, господи…

Тейлор так и сделала, потратив мгновение на то, чтобы размять мышцы в плечах. Солнышко же терпеливо ждала у её ног. Закончив с разминкой, Тейлор расстегнула молнию на рюкзаке, достав свой альбом и вытащив из него пару страниц, на которых сегодня рисовала. Солнышко взяла рисунки статуй в рот, довольно фыркнув в знак благодарности.

— Не за что. И вообще, зачем они тебе понадобились?

Солнышко только ухмыльнулась, завиляла хвостом и скрылась в ночи.

— Ну… ладно.

/-/

— Па! Я дома! — Юта захлопнул за собой дверь и тут же заметил сердитый взгляд бабушки, сидевшей в кресле-качалке в соседней комнате. Он тут же исправился: — Тадайма.

— Окаэринасай, — ответила ему бабушка. Юта услышал, как находящийся на кухне отец хихикнул. Он сбросил ботинки и пошел на звук моющейся посуды.

— Ты только посмотри на себя, весь потный. Чем ты занимался, Юта?

— Помогал чинить разрушенное святилище, — хмыкнул он, беря стакан с водой. Его отец со

звоном поставил тарелку, которую вытирал, а сам Юта достал из морозилки пару кубиков льда, бросив их в свой стакан. После этого он повернулся и увидел, что отец смотрит на него. Он, конечно, не мог заглянуть за угол, но готов был поспорить, что его бабушка делает то же самое. — Что?

— Прости, что говорю это, но на тебя это не похоже. Кто тебя подговорил?

— Никто, — нахмурился Юта. — Пол решил это сделать и уговорил меня и ещё пару парней помочь. — это было не совсем правдой. Пол и двое других парней сказали, что это был приказ Они Ли. Кейп поручил им починить старую развалину, а всех, кого они возьмут в помощь, ждал эфемерный плюсик в досье при вербовке в АПП. Несколько часов труда за доброе слово от Они Ли? Оно того определённо стоило.

— Что ж, молодец, Юта, — в кухню, опираясь на трость, вошла бабушка. Уголки её рта тронула улыбка. Юта уставился на незнакомое ему со стороны бабушки выражение лица. — Рада это слышать. Лучше бы ты занимался чем-нибудь подобным, чем хулиганил, — а, нет, хмурый взгляд на месте. Сегодня мир точно не рухнет. — Хонока-тян сказала мне, что храм стал выглядеть лучше… ты ведь оставил подношение, не так ли?

— Я оставил груду опилок и несколько проклятий за то, что стукнул себя по большому пальцу, — лицо старухи тут же потемнело, как грозовая туча.

— Хм! Что ж, раз уж ты так быстро дошёл до дома пешком, то можешь ещё раз сходить в храм и успеть вернуться к ужину, — бабушка протопала мимо отца Юты и начала рыться в шкафу. Достав рисовые лепёшки, завёрнутые в марлю, она подошла к Юте. — Возьми это и отнеси в святилище, как и следовало сделать изначально. И никаких возражений!

Юта бросил умоляющий взгляд на отца, который просто поднял руки в знак капитуляции и отступил на шаг назад.

— Прости, Юта. Ты же знаешь, что я буду сражаться за тебя во многих вещах, но когда дело доходит до Баа-чан, ты сам по себе.

Юта вздохнул, взял рисовые лепёшки и пошёл в коридор, чтобы снова надеть обувь.

К тому времени, когда он пришёл в храм, проходя через арку тории по мощённой камнем дорожке, уже наступил вечер. На пути ему встретилось несколько светлячков, чьи светящиеся тела освещали потрескавшиеся статуи у входа в храм.

Это напомнило Юте о единственной действительно странной части дня. Конечно, решение АПП пойти восстанавливать какой-то там храм было немного необычным, но новичков всегда отправляли выполнять всевозможные мелкие поручения. И среди них, естественно, были и черновые работы, благодаря которым отфильтровывали тех, кто подавал надежды. Это было более-менее понятно, но вот недвусмысленный приказ не беспокоить белую девушку? Вот это

было уже действительно странно. Хотя она выглядела как-то знакомо. И принесённый ей лимонад был неплохим…

Юта добрался до задней части святилища, посчитал, что и так сойдёт и бросил лепёшки на деревянные доски. Он развернулся и пошёл на выход, почти добравшись до него, когда услышал в сумерках какой-то звук. Небольшой порыв ветра издал необычный шепчущий звук и, как будто кто-то рядом с ним резко втянул воздух. Рука Юты потянулась к ножу в заднем кармане. Ничто и никто не выскочил на него, но когда он развернулся к арке, то почувствовал, как внутри у него всё сжалось.

Одна из статуй комаину была другой. Пролетевший рядом светлячок осветил гладкий, безупречный камень, лишенный трещин, мха и недостающих кусков. Юта остановился, даже протянул руку и дотронулся до неё, просто чтобы проверить — настоящая ли она. Разинутая пасть и закатившиеся глаза комаину, казалось, смотрели на него сверху вниз. Юта почувствовал, как волосы на его руках и шее встали дыбом.

И вновь короткий вихрь ветра пронесся мимо него, заставляя его воображение услышать голос, которого тут не должно быть. Юта с трудом сглотнул и обернулся.

Второй комаину стоял на пьедестале с закрытым ртом и широко раскрытыми глазами, такими же совершенными, как и в тот день, когда он только был сделан. Юта невольно вспомнил девушку, что рисовала эти статуи, но не разрушенные, а целые, нетронутые и величественные.

В глубине святилища послышался короткий шорох, похожий на быстрые шаги, и Юта резко обернулся на звук с ножом в руке. Сквозь сумерки можно было с трудом увидеть развёрнутую марлю, в которой уже не было принесённых им рисовых лепёшек.

Ещё никогда прежде Юта не бежал настолько быстро.

/-/

Ни одно мирное время не длится вечно. Однако, двери Уинслоу всё же открылись слишком рано, напоминая собой разинутую пасть зверя.

Тейлор расчесала волосы, закинула рюкзак на плечо и сделала храброе лицо. Может быть, «они» оставят её в покое. Возможно, что «они» забыли о ней за это долгое сонное лето.

/-/

К пятнице Тейлор почувствовала, что вот-вот взорвётся. Когда прозвенел последний звонок, она протолкалась сквозь толпу учеников к велосипедным стойкам и помчалась домой. В пустой дом. Она открыла окно в гостиной, затем поднялась наверх и сбросила свои измазанные клеем джинсы и исписанную маркером футболку, а после помчалась в душ. Горячая вода с мылом

окончательно смыла её гнев. Когда она вытерлась и оделась, то обнаружила, что Солнышко влезла в окно и устроилась на диване, ожидая её. Тейлор села на диван, и Солнышко положила свою пушистую голову на её колени.

— Ненавижу это.

В ответ Солнышко издала скорбный звук.

— Нет, я знаю, там… что мне вообще делать? Они не прекратили, и у меня нет причин думать, что они хоть когда-нибудь остановятся, — Тейлор вздохнула, одной рукой потрепала Солнышко за ушами, а другой потёрла свою переносицу. — По крайней мере, наступили выходные…

Солнышко вдруг навострила уши и подняла голову. Волчица скатилась с дивана и быстро просеменила на кухню, а через некоторое время вернулась с чем-то в зубах. Тейлор взяла принесённую волчицей вещь, в замешательстве сдвинув брови.

— Сегодняшняя реклама?

Вуф!

— О, распродажа красок… Извини, Солнышко, это краски для наружного применения. Например, для забора мистера и миссис Хенрик, — в ответ ей было более настойчивое «вуф!», заставившее Тейлор нахмуриться. — А этот купон действителен только до сегодняшнего дня. Нам придется идти прямо сейчас… Ты будешь пялиться на меня, пока я не встану, верно?

Тейлор вздохнула и пошла искать свои туфли.

/-/

Магазин товаров для дома был довольно далеко. Когда Тейлор закончила грузить на велосипед несколько банок краски, кисточки и другие принадлежности, уже заметно стемнело.

— Знаешь, Солнышко, — проворчала Тейлор. — Иногда мне трудно поверить в то, что изначально я планировала потратить большую часть карманных денег на книги. И я не думаю, что папа позволит нам перекрасить дом, поэтому я не уверена, что ты хочешь… Это ты положила мой фартук в корзину?

Вуф!

— Солнышко, пожалуйста, я немного не в том настроении, чтобы сегодня чем-то заниматься.

Волчица на это только ухмыльнулась, потрусив прочь. Пройдя некоторое расстояние, она оглянулась, чтобы убедиться, что Тейлор следует за ней. И так оно действительно и было.

Солнышко привела Тейлор в Доки. В постепенно наступающих сумерках, её яркий мех служил для Тейлор путеводным маяком, не давая ей потеряться. Волчица остановилась возле заброшенного склада и подождала, пока Тейлор подъедет и припаркует велосипед. Когда она это сделала, Солнышко завиляла хвостом, обнюхала нераспечатанные банки с краской, а затем подпрыгнула к кирпичной стене здания и встала на задние лапы, требовательно постучав передними по стене. Тейлор недоумённо почесала затылок.

— Э-э-э… . Солнышко? Что ты хочешь? — волчица повторила свой путь от краски до стены. — Я уверена, что это будет актом вандализма Солнышко.

Уи-и-и-и-и.

Тейлор всплеснула руками, весь гнев и злость этого дня снова вспыхнули в ней, подкреплённые тратой денег.

— Солнышко, нет, так нельзя. Я могу рисовать в альбоме, но это… Это противозаконно, у меня будут неприятности!

Солнышко фыркнула и села. Её взгляд был терпеливым, но… Тейлор с шипением выдохнула сквозь зубы. Если волчица хотела, чтобы Тейлор порисовала, то им следовало просто остаться дома. Но нет, вместо этого они находятся тут, почти ночью, в одном из самых небезопасных районах города. Тут повсюду были метки банд и оскорбления на стенах, что, честно говоря, выглядело отвратительно.

Тейлор посмотрела на Солнышко, потом на велосипед, груженный банками с краской и кисточками. А ведь она могла бы просто пойти домой — Тейлор сомневалась, что Солнышко осудит её за это. И да, рисование на стенах — это действительно вандализм. Хотя… Тейлор посмотрела на стену. Она и так была изрядно изуродована не одним вандалом. И…

Тейлор стало резко жарко, когда она закончила свою мысль. Да, она могла попасть в неприятности, начав рисовать на стенах, но почему же тогда… почему для неё, для Тейлор, нормально попасть в неприятности за порчу имущества, а вот для «них» порча книг, вещей, домашнего задания — абсолютная норма, за которую не последует наказания? Это было несправедливо. Почему это нормально для банд и подростков-вандалов — выплескивать ненависть на стенах, а вот ей стыдиться этого?

Тейлор завязала волосы в хвост и надела красный фартук, а Солнышко медленно и с надеждой завиляла хвостом. Тейлор начала вскрывать одну за другой банки с краской, бросая в каждую по кисточке. Она слегка поморщилась от запаха краски и порылась в своих покупках в поисках респиратора. Взяв первую кисточку с капавшей с неё красной краской, она повернулась к стене, широко взмахнув рукой. Кисточка оставила на стене яркое цветное пятно. Тейлор ощутила, как ей сразу же стало легче — все накопленные ей эмоции выплёскивались на стены

вместе с краской. Снова взмахнув рукой, она взяла другую кисточку. Красный и жёлтый закружились в ярком вихре и вскоре к ним добавился и оранжевый цвет.

Солнышко встала и звонко залаяла.

/-/

Тейлор накинула велосипедный замок на руль, чтобы было удобнее тащить за собой её транспортное средство. Тейлор с волчицей двигались вверх и вниз по улицам, рисуя на складах и обычных домах — зелёные полосы были усеяны грубыми набросками жёлтых, красных и синих цветов. Широкие белые полосы превращались в облака, золотые завихрения в солнце, серо-голубые в горы, зелёные в деревья. Тейлор рисовала всё, что совсем не вязалось с трущобами Броктон-Бэй. Солнышко бежала рядом, попеременно помогая тащить велосипед и носясь взад-вперед перед полотном Тейлор, лая и прыгая вверх-вниз, как ребёнок.

В соседних домах зажёгся свет. Когда на шум выглянули люди, Тейлор лишь рассмеялась, быстро нарисовав на кирпичной стене ещё одно дерево.

— Эй! Блять! Какого хуя ты делаешь?! — Тейлор резко обернулась и обнаружила, что из дома, который она разрисовывала, вышел очень сердитый подросток… а также то, что они с Солнышком всё-таки забрели в принадлежащий бандам район. Света уличного фонаря было достаточно, чтобы понять, что вышедший парень был азиатом, но не настолько, чтобы разглядеть его внешность. — Сука, это мой дом! Тебе очень повезет, если к утру у тебя останутся целые зубы… — Тейлор поморщилась под своей импровизированной маской в крапинку. В парне она узнала недавнего юношу, который занимался ремонтом храма. И, следуя логике, можно было предположить, что он член АПП.

Тейлор приготовилась к неминуемой смерти.

— Мне очень жаль! Прости, я не знала… я слегка заплутала и… и я не должна была ничего тут менять и… Мне так жаль!

Парень выглядел рассеянным. Она видела, как он перешел от хмурого взгляда на неё к разглядыванию рисунков, что она нанесла на его дом. Он моргнул, на секунду открыв рот. Тейлор так крепко сжала кисть, что ей стало интересно, что сломается первым: кисть или её пальцы?

Парень вновь посмотрел на неё, а потом снова на совершённое ей преступление.

— Эй, это… Знаешь что, неважно. Это круто. Ты… делай что хочешь, — Тейлор уставилась на него. Парень неловко помахал ей рукой и направился обратно внутрь, захлопнув дверь с громким щелчком. Тейлор ждала возмездия, но его не последовало. Она повернулась к Солнышко, сидевшей у велосипеда.

— Так, больше мы так никогда не сделаем.

Солнышко на это только улыбнулась.

/-/

Байк Оружейника издал низкий рокот, провозя своего ездока через Доки. Байк был способен к практически бесшумной работе, Оружейник лично в этом не раз удостоверился, но тишина плохо влияла на его имидж героя Протектората, находящегося в патруле. Технарь слегка стиснул зубы и подавил желание прибавить скорости. Как бы ни было бесполезно патрулировать здесь, между трущобами Доков и чуть более представительными кварталами, граничащими с ними, где мало кто из свидетелей преступления сообщил бы об этом — это всё равно требовалось сделать. Лучше просто потерпеть, ведь когда он с этим закончит, то сможет вернуться в свою мастерскую.

Оружейник завернул за угол, направившись к фонарному столбу, который обозначал конец его маршрута в этом районе, но короткий проблеск яркого цвета заставил его замедлить ход, а затем и вовсе остановить байк. Оружейник вгляделся в ряд домов напротив, а через мгновение слез с байка и подошёл поближе. Третий дом с торца был украшен завитушками и пятнами краски, образующими грубые рисунки природных объектов и растений. Для этого использовалась настоящая краска, а не та, что находится в аэрозольных баллончиках.

Технарь немного отошёл, оглядев улицу. Справа от него — ничего необычного. Слева от него — непрерывный шлейф разноцветного вандализма частной собственности. Он нахмурился и несколькими точными движениями глаз и век вывел на экран своего HUD бланк отчёта о преступлениях.

Оружейник был уже на полпути к своему байку и на полпути к заполнению бланка для полицейского департамента, как вдруг остановился, поняв, что что-то не даёт ему покоя. Ещё раз обернувшись, Оружейник вновь окинул улицу взглядом, запоминая подробности преступления. Примерно через минуту его глаза расширились — полицейский отчёт был тут же убран с визора.

Справа — ничего необычного для плохого района Броктон-Бей. Бандитские метки находились на домах и других постройках, разбитые окна были закрыты пластиком или дешёвым плинтусом. А вот слева… непрерывная цепочка бытовой краски, нанесённой слоями на чистые кирпичи и сайдинг. Ни аэрозольной краски, ни разбитых окон, ни провисших крыш. Вандализм прекратился после третьего дома с конца, последнего дома, покрытого рисунками.

Оружейник активировал рацию, связываясь с Протекторатом.

http://tl.rulate.ru/book/104397/3651178